

УДК 82.0 (47+57)

МЕТАФОРИКА ОБРАЗА ВРАГА В ПОВЕСТИ Ф. ГЛАДКОВА “НОВАЯ ЗЕМЛЯ”

Е. Г. Демина

В статье рассматриваются особенности создания образа врага в повести Ф. В. Гладкова “Новая земля”.

Ключевые слова: литературоведение, метафорика, образ врага.

Современным литературоведением исследуются разные аспекты социалистического реализма, формируется объективный, академически беспристрастный взгляд на эту проблему. Всесторонний анализ выделяет в соцреалистическом каноне и те положения, которые не декларировались его создателями. В частности, никогда не позиционировался и соответственно в советское время не исследовался такой важный концепт социалистического реализма 1920 – 1930-х годов, неотделимый от утверждавшегося им культа классовой борьбы, как образ врага.

Идеологема “врага” в советской культуре наиболее активно исследуется в социологии, политологии и истории. По мнению известного российского социолога Л. Гудкова, понятие “врага” было одним из ключевых факторов в формировании советской идентичности” [4, с. 43]. Представив в статье “Идеологема “врага” типологию врагов в советском политическом дискурсе и “реконструкцию риторических схем советского времени, использующих семантику врага”, Л. Гудков обращает внимание на отсутствие аналитических работ подобного рода в литературоведении [4, с. 57]. Литературоведческие исследования образа врага носят фрагментарный характер. На “буржуя, “спеца”, классового врага” как на обязательную фигуру “основополагающего в жанровой системе соцреализма” производственного романа обращает внимание М. Голубков [3, с. 152]. Разных сторон этой проблемы касаются Е. Добренко [6], Г. Беляя [1].

Одной из основополагающих работ, исследующих образ врага в литературе соцреализма, является статья Х. Гюнтера “Архетипы советской культуры”. Обращая внимание на то, что “враг, или вредитель играет существенную роль в мифологическом мышлении как антагонист героя” [5, с. 750] Х. Гюнтер рассматривает образ врага как архетип советской литературы. В качестве примера изображения врага в литературе 1920 – 1930-х годов Х. Гюнтер приводит роман Ф. Гладкова “Цемент”: “Он весь построен на конфликте между героическими строителями социализма <...> и разными врагами, препятствующими восстановлению завода” [5, с. 752].

Несомненный интерес представляет изучение образа врага в прозе писателя, который одним из первых обратился к теме внутреннего врага. Воссоздание полной картины особенностей изображения врага в прозе Ф. Гладкова невозможно без анализа ныне забытых его произведений, к числу которых относится повесть “Новая земля”.

Впервые повесть была опубликована в 1930 году в альманахе “Земля и фабрика” под заголовком “Новая земля. Записки педологички”.

Цель статьи — рассмотреть особенности изображения врага в повести Ф. Гладкова “Новая земля”.

Произведение посвящено проблемам советской деревни. “Новая земля” — название образцовой коммуны, жизнь которой описана от лица комсомолки Гали, присланной из города для организации детского сада. Враждебность — устойчивый фон, на котором разворачивается действие повести: “Деревня превратилась в *свирепых врагов*” [2, с. 106]; “*враждебная сила* неустанно, невидимо отравляла воздух колхозов, и люди по разным пустыкам поднимали бунт. Маленький собственник сеял тревогу: *враг ползал* в этих безалаберных толпах и разъедал их как вошь. *Этого врага мы знали*, этого врага знали и колхозники” [2, с. 279]. В “Новой земле” враждебные силы — это таинственные тени, призраки, видения: “Где-то в темных недрах деревни зловеще дышали избяные тени” [2, с. 209], “Поля эти далеки, *как призраки* минувшего, *как видения, ушедшие в иной мир*” [2, с. 83].

В повести Гладков широко использует образы нечистой силы. Одержимостью бесами объясняется отношение коммунарки Аксюты к своей руководительнице коммунистке Гале. “Она (*Аксюта. — Е. Д.*) *ненавидит* меня *тупо, неизменно, с животной затаенностью*” [2, с. 75]. Однажды Аксюта признается: “Бес какой-то во мне. Покоя не найду” [2, с. 76]. Показательно, что атеистка Галя спокойно принимает это объяснение враждебности по отношению к себе: “В обычное время она (*Аксюта. — Е. Д.*) тупа, покорна и равнодушна. Она воюет не со мной, а с собой, и я знаю, что *черная сила* душит ее мучительно” [2, с. 77].

Обращение к мифологическим образам призраков, темных сил, теней, по мнению Х. Гюнтера, “можно наблюдать в тоталитарных культурах, где снимается разграничение между действительным и абсолютным врагом” [5, с. 750]. С этой точки зрения показателен эпизод, в котором Гладков описывает историю создания коммуны. Обращает на себя внимание причина организации коммуны. Стимулом к объединению стало не стремление к обобществленному “радостному” труду и даже не мечты о всеобщем равенстве и счастье, а первобытное чувство страха. В коммуну шли “для того, чтобы умирать скопом: бежали от ужасов, *от призраков*, от самих себя” [2, с. 103]. В этом же эпизоде Гладков рассказывает о первых врагах, вставших на пути будущих коммунаров: о женщинах, женах, которые не желали прощаться с вековым укладом жизни. “Завыли бабы: они, *как ведьмы*, знали только свои печки и никогда *не выпускали из рук помела*. Они предпочитали *умереть под боком домового*. Началось избиение баб по всему селу. Это было похоже на общее безумие” [2, с. 103]. Соотнесение крестьянских баб, враждебно настроенных по отношению к коммунарам, с архаизированными, сказочными образами ведьм наблюдается на протяжении всей повести. “Мы изгнали ведьму на помеле. <...> Теперь для нас единая вражья сила — бабье безумство”, — говорит на собрании одна из коммунарок [2, с. 195]. Описание бунта крестьянок против коммунарских тракторов напоминает шашаш: “Бабы вдруг с визгом и истерическими криками затрепыхались, как куры, и оравой бросились навстречу тракторам” [2, с. 242]. Большое разнообразие художественных средств использует Гладков в обрисовке “замаскировавшегося врага” — Анисьи

Матвеевны Ветровой, жены председателя коммуны. Здесь и хтонические символы: "*ведьма на помеле*"; и приемы расчеловечивания: автор часто сравнивает Ветрову с "*гадюкой*". В конце повести, уже "разоблаченная" и изгнанная из коммуны жена председателя изображается химерическим чудовищем: "Она, эта Матвеевна, совсем *осатанела*... <...>... так и носится, *как бешеная собака*... *и голова опущена, и все слюни глотает*... и вся *как мертвец*" [2, с. 210].

Такого рода образность соответствует стилю и духу большевистской риторики, широко использовавшей "архаические семантические элементы (змеи, насекомые, особенно пауки, обитатели болот, подземного мира)" [4, с. 66]. Комсомолка Матреша сообщает главной героине: "Мамаша у меня *гадина*, хоть и жить без меня не может" [2, с. 209]. На протяжении всей повести каждое упоминание "бобылки-старухи, местной знахарки" сопровождается этой метафорой. Во время бунта эта старуха ассоциируется с оборотнем: "<...> неожиданно бобылка вскочила на четыре и очень юрко, с обалдевшим от страха лицом, поползла от трактора в толпу" [2, с. 243].

Актуализация образа вездесущего, меняющего обличье внутреннего врага рождает первобытные страхи. Прожившая в коммуне полтора года Галя признается: "Я научилась здесь бояться ночных пространств, бездонной тишины и таинственных шорохов" [2, с. 281]. Крестьянка Матреша, мечтающая уйти из деревни в коммуну, сообщает: "Я сейчас, Галочка, такая пужливая стала: и темноты боюсь, и человека позади боюсь, *и даже пустого места боюсь*" [2, с. 210].

Для "Новой земли" характерно не только мифологизированное изображение образа врага, но и вполне реалистичное описание механизма создания врага. В повести хорошо просматриваются политические установки, господствовавшие в обществе в 1930-е годы. Усиленно внедряющийся в сознание масс тезис о дальнейшем обострении классовых борьбы формирует установку на поиски врагов не только среди "социально далеких", но и среди "социально близких". Симптоматично, что к числу злейших вредителей Гладков относит жену председателя коммуны. Вредительство ее большей частью состоит в неподчинении правилам жизни в коммуне. Галя в своих записках перечисляет "преступления" Анисьи — "<...> *шпионит, ведет подрывную работу и нарочно не подчиняется правилам коммуны*" [2, с. 155] — и тут же поясняет, в чем же состоит ее "шпионская" и "подрывная деятельность": "не ходит на работы, не отдает детей в детские очаги, демонстративно не посещает собраний и не показывается в общественной столовой. Это не ее личный каприз, а *разработанная система*" [Там же]. Главная героиня тут же вспоминает все проблемы и беды коммуны, которые можно свалить на вредительство Анисьи: и "прошлогодний падеж поросят", и "недавний пожар амбара с одеждой", и "какие-то странные болезни среди коммунаров" [Там же]. Характерно и то, что никто не собирается искать подтверждений вредительства Анисьи: "Сколько здесь было правды — трудно сказать: *доказательств не было* <...>" [Там же].

"Строгий надзор" установлен и за сторожем Лукьянычем. "Несознательный элемент", бродяга слишком открыто высказывает свое мнение о жизни в коммуне: "Человек тюрьмы хочет — толпежу, стада, чтобы не страшно было, чтобы караулили его. И все выдумывает, как бы половчее эту тюрьму себе устроить" [2, с. 218].

Выявленные враги — не повод успокаиваться. Секретарь совета коммуны Гуляка

говорит Галине: “Есть тут *и другие наши враги*, которые готовят нам хорошую свинью” [2, с. 259]. После выселения кулаков Бураковых было получено несколько анонимок, в которых говорилось, что “в среде наших коммунаров **есть люди, которые ненавидят коммуны** и пойдут на все, чтобы уничтожить ее огнем, и ножом, и *вредительством*” [2, с. 279].

Понятия “враждебность”, “классовая ненависть” настолько прочно входят в жизнь общества, что герои повести то и дело сравнивают друг друга с врагами: “Ты держишь себя так, точно я твой враг” [2, с. 225], — говорит главная героиня Галя руководителю коммуны Ветрову; “Я не люблю бурных оптимистов <...>, они опасны как враги” [2, с. 232], — заявляет один из основателей коммуны, учитель Прохор; “Так вероятно приказывают встать и идти непримиримому врагу, которого сейчас должны расстрелять” — расценивает Галя приказание Ветрова Гуляке. Даже в детском саду насаждается противопоставление: “свой” — “чужие”. Галина объясняет детям, что ребенок Анисьи Ветровой: “*паршивый*... он еще *не наш*” [2, с. 197]. О многом говорит используемый в описании этого малыша прием расчеловечивания, характерный для изображения врага: “Нос у него обостряется, как у *лисенка*, зубы оскаливаются, *глаза* смеются и *жалят* — наслаждаются болью и обидой ребят” [2, с. 197].

Отразились в произведении и процессы смены нравственных полюсов. Жестокость перестает быть отрицательным качеством. “Для меня нет ни жены, ни друга. Придет час — *уничтожу жестоко и друга, и жену, и отца*” [2, с. 101], — говорит председатель коммуны Ветров. Его слова не расходятся с делом: он разоблачает свою жену как врага. Решение объявить всех, “кто вносит смуту в среду коммунаров” изменниками, предателями и врагами, воспринимается как единственно возможный и правильный способ спасения хозяйства от гибели. Того, кто не подчиняется приказам руководства безоговорочно ждет “беспощадная расправа: его выгонят без всякого выдела, с волчьим билетом” [2, с. 110]. Характерно, что безжалостность большевиков рождает страх и не только среди “чужих” или простых обывателей, но и среди “своих”. Ветров боится, что “*тройка придет и выгонит коммуны*” [2, с. 113].

Формирующаяся новая ментальность делает нормой жизни доноительство и шпионаж. Галя, невзирая на дружеское отношение к председателю, пишет “заявление в бюро ячейки с требованием немедленно поставить вопрос о Ветрове, и другое заявление в совет о жене Ветрова” [2, с. 89]. Председатель коммуны разоблачает собственную жену на общем собрании: “Долгое время эта женщина, гражданка Ветрова, была *врагом коммуны*. Она сначала *саботировала*, а потом открыто *повела подрывную работу*”; “Заявляю, что она мне — не жена, не товарищ, а мой смертельный недруг. <...> Особая комиссия рассмотрит все *факты ее вредительства* и доложит вам” [2, с. 183 – 184].

В тоталитарном обществе “высшей добродетелью становится бдительность” [5, с. 751], рождающая взаимное недоверие, слежку, доноительство. “Лучше брать человека под подозрение, чем верить ему. *Не верить, а проверять* — вот закон людских отношений нашего времени — *закон коммунистического подбора*” [2, с. 104]. Коммунары в повести не просто следят друг за другом, они возлагают на себя “добровольный наряд”, как например, учитель Прохор, объявивший себя “сыщиком волею коммуны” [2, с. 99], или работница столовой Глаша, которая с гордостью док-

ладывает собранию о жене Ветрова: "Она ходит в деревню и имеет там связи. *Я выследила*, и у меня все записано: я хотела выложить, да до конца не довела. <...> Я за ней давно уже глаз имею" [2, с. 192]. В этой атмосфере анонимки становятся не-пременным атрибутом жизни. "В коммуне было получено несколько анонимок с угрозой расправы" [2, с. 279].

В "Новой земле" Гладков продолжает поднимавшуюся им в "Цементе" тему пролетарского гуманизма, отрицающего жалость к врагу. Председатель, не умеющий решить свою семейную проблему, вызывает у главной героини жалость, но при этом Галя не может "побороть *презрения к нему*" [2, с. 159]. К врагу неприменимы привычные правила уважения к старшим, сострадания к больным. Описывая встречу коммунаров и старухи из враждебной им деревни, автор доходит до страшных выводов: "Зачем приплелась сюда эта развалина? Девчонки смеялись — *потешались над старухой. Человеческая дряхлость* не только печальна: она — *смешна, как шутовское извращение жизни*". Натуралистичное описание безобразной старухи, вероятно, должно символизировать отживший свой старый мир. В таком случае обращает на себя внимание фантазмагоричность восприятия "враждебного" мира старой деревни: "Она взглянула на меня *ягой* и оскалила *беззубые серые десны: гнойная слюна стекала* по выщелкнутому подбородку" [2, с. 233].

Таким образом, изображение врагов в повести "Новая земля" демонстрирует противоречивость метода социалистического реализма, использующего наряду с мифологизированным и архаизированным изображением врага, реалистическое описание механизма создания этого врага.

Список литературы

1. Белая Г. Оппонирующее сознание: "Перевал" // Соцреалистический канон: Сборник / Общ. Ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 249 – 266.
2. Гладков Ф. Новая земля // Гладков Ф. В. Собр. соч.: Т. 2,4. — М.: Худож. лит., 1931. — т. 4. Новая земля — 288 с.
3. Голубков М. М. Русская литература XX в.: После раскола: Уч. пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 267 с.
4. Гудков Л. Идеологема "врага" // Образ врага/сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. — М.: ОГИ, 2005. — С. 7 – 79.
5. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: Сборник / Общ. Ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 743 – 784.
6. Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон: Сборник / Общ. Ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 31 – 40.

Дьоміна О. Г. Метафорика образу ворога в повісті Ф. Гладкова «Нова земля».

В статті розглядаються особливості створення образу ворога у повісті Ф. В. Гладкова "Нова земля".
Ключові слова: літературознавство, метафорика, образ ворога.

Dyomina E. G. Metaphorics of the image of the enemy in F. Gladkov's story «New Land».

In the article the features of creation enemy's appearance in F. V. Gladkov's story "New earth" are examined.

Key words: literary criticism, metaphors, an image of the enemy.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2006 г.